

как легко убедиться, соответствуют статусу сатанинского царства в «Повести о Савве Грудцыне».

В граде Сатаны заканчивается предварительное испытание, начало которому положила встреча Саввы с Бесом.

В эпизоде посещения царства обнаруживаются новые отголоски ритуализованного поведения героя. Хорошо известно, что юноша, подвергавшийся обряду инициации, должен был строго придерживаться определенного сорта запретов: например, выполнять обет молчания и пр. Аналогичными правилами, как доказывает Пропп, руководствуется сказочный герой, попавший в лесную избушку, которая генетически восходит к обрядово-мифологическому царству смерти. О запретах речь ведется и в «Повести»: «Егда же будещи пред ним (перед Сатаной, — И. С.), ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писание свое» (стр. 242).

У ворот дьявольского града Савву и Беса встречает множество юношей. Возрастной статус бесовской «команды» наводит на предположение, что эта деталь, наряду с упомянутыми прежде, относится к числу тех компонентов сцены у Сатаны, которые имеют сказочное происхождение, и тогда, следовательно, юношей можно включить в разряд сверстников, окружавших обычно во время посвящения сказочно-мифологического героя в лесном доме.⁴²

Явственный отзвук испытания слышится в допросе, учиненном Савве Сатаной, — допросе, сказочном даже в своей словесной манифестации («Откуда пришел еси семо и что есть дело твое?»; ср. шаблонную формулу Яги: «От дела лытаешь, али дела пытаешь?»), а также и в сомнениях Князя Тьмы: «Аще ли и прииму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне или ни» (стр. 243).

В сатанинском граде Бес открывает Савве свою подлинную родословную и происходит новое братание («аз бе да буду тебе меньший брат» — стр. 243), подкрепленное, как в сказке, угощением (совместная трапеза — древнейший мотив; ср. ритуал причащения); выход «братьев» из царства (генетически — царства смерти), как и следовало ожидать, озвучен смехом Беса. (Смех Беса структурно противопоставлен плачу нищего старца, который предупреждает Савву, что тот «предался дьяволу»).

При всей близости предварительного испытания и рассмотренной цепи эпизодов (от встречи с Бесом в поле до посещения царства Сатаны) нельзя, понятно, забывать, что в произведении XVII в. это испытание воплощается в обращенной форме. Чудесный помощник становится дьяволом.⁴³

Отрицательное истолкование волшебного помощника бесполезно сравнить с христианским восприятием пантеона языческих богов, которые были низвергнуты христианской мыслью древней Руси на демонологический уровень. «Языческие боги — бесы. Такой взгляд присущ нашей летописи с древнейших изводов», — замечал по этому поводу Е. В. Аничков.⁴⁴

С другой стороны, именно обращенность, перемена знака оценки на противоположный, лишний раз свидетельствует, что «Повесть о Савве

⁴² См. об этом: С. Я. Лурье. Дом в лесу. — В сб.: Язык и литература, вып. VIII. Л., 1932. Юноши у Сатаны, по мнению автора «Повести», не кто иные, как «индей и персы». Для средневековой книжности вообще обычна персонафикация бесовских сил как чужеземцев (эфиопы). Ср. также реалистическую локализацию чужеземного царства в сказке «Буря-богатырь Иван коровий сын»: «Подъезжают они к одному царству — к индейскому королю, и раскинули в его заповедных лугах палатки» (Афанасьев, № 136).

⁴³ Ср. комментарий Скрипиля в сб.: Русская повесть XVII века, стр. 392—393.

⁴⁴ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 108 и след.